

К. Ф. Рылеев

Собрание сочинений

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Ф. Рылеев**
Собрание сочинений / К. Ф. Рылеев – М.: Книга по Требованию, 2020. –
196 с.

ISBN 978-5-518-00094-0

ISBN 978-5-518-00094-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

891.73
R98
I 1906
v. 1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Изученіе общественнаго движенія въ царствованіе Александра I и даже простое ознакомленіе съ нимъ, еще такъ недавно запрещенное для русскихъ ученыхъ и читателей, за послѣднее время разлилось широкой волной. Мы уже имѣемъ не мало цѣнныхъ работъ, посвященныхъ декабристамъ, и массу брошюръ объ нихъ же. Уже это показываетъ, насколько назрѣла потребность въ обществѣ возможно больше знать о декабристахъ—нашихъ первыхъ революціонерахъ и насколько интересно само событіе, подлежащее изученію.

Декабристы оставили по себѣ богатое наслѣдіе, но благодаря тому, что оно разбросано въ малодоступныхъ уже теперь журналахъ, заграничныхъ изданіяхъ, частныхъ рукописяхъ и архивныхъ документахъ, оно подчасъ мало извѣстно читателю; поэтому прямою задачею момента является собрать весь этотъ матеріалъ воедино, представить его въ возможно полномъ видѣ и сдѣлать его доступнымъ всѣмъ и каждому.

Вотъ задача, поставленная настоящему изданію. Насколько мы успѣемъ въ ней—это покажетъ ближайшее будущее, и съ этой стороны прежде всего мы ждемъ оцѣнки отъ нашихъ читателей. При этомъ всякій знаетъ, съ какими трудностями приходится сталкиваться, какія препятствія приходится преодолевать—тутъ и проклятыя «независяція обстоятельства» висятъ дамокловымъ мечемъ, тутъ и недоступность изданій и матеріаловъ, тутъ и недостатокъ свѣдѣній и пр. и пр. При всемъ разнообразіи и пестротѣ матеріаловъ, предполагаемыхъ къ печатанію въ первую очередь, мы думаемъ, что при внимательномъ ознакомленіи съ нимъ, можно найти общую свя-

зующую черту. Въ однихъ произведеніяхъ читатель найдетъ отраженіе тѣхъ идеаловъ, которыми жили и руководились декабристы до и послѣ событія 14-го декабря 1825 г.; въ другихъ разработаны тѣ положенія, которыя должны были лечь въ основу государственнаго переустройства въ случаѣ удачи заговора; въ третьихъ изображается историческій ходъ общественнаго движенія въ царствованіе Александра I, самое событіе 14-го декабря и участіе въ немъ извѣстныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ; въ четвертыхъ—представлены характеристики руководителей и участниковъ возстанія и т. д.

Что касается до перваго выпуска, гдѣ мы помѣщаемъ сочиненія К. Ѳ. Рылѣва, то мы должны сказать, что въ распоряженіи редакціи не было подлинныхъ рукописей автора и въ силу этого она пользовалась лишь печатнымъ матеріаломъ; мы нашли возможнымъ ограничиться этимъ потому, что въ печати уже использовано все сколько-нибудь цѣнное изъ написаннаго Рылѣвымъ. Въ нашемъ распоряженіи были изданія: Собр. соч. Рылѣва, редактированное П. Ефремовымъ, 2-ое изд.; Собр. соч. Рылѣва, редактированное М. Мазаевымъ 1895 г.; Собр. соч. Рылѣва, изданное въ Лейпцигѣ 61 года, кромѣ того статьи В. Якушкина—Вѣстникъ Европы 1888 г. № 11 и 12, П. Ефремова—Рус. Стар. 71 г. №№ 1—6; и журналъ Полярная Звѣзда, издававшійся Герценомъ за 56—62 г. и другія *). Біографію Рылѣва мы почли лучшимъ дать въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ, посвященныхъ К. Ѳ. Рылѣву какъ общественному дѣятелю, какъ главѣ Сѣвернаго Общества; тамъ же мы помѣстимъ его письма къ друзьямъ и къ женѣ изъ Петропавловской крѣпости и его показанія; такимъ образомъ біографія будетъ прямымъ результатомъ интереснѣйшихъ документальныхъ данныхъ. Здѣсь же мы помѣщаемъ, кромѣ произведеній К. Ѳ. Рылѣва, «Воспоминанія» близкаго къ нему декабриста Н. Бестужева, и статью Герцена «Заговоръ 1825 года». Кромѣ громаднаго интереса, который представляютъ собой эти статьи, онѣ предназначаются для читателя, мало знакомаго съ событіемъ 14-го декабря, чтобы ввести его прямо *«in medias res»*.

*) Подробная бібліографія будетъ помѣщена въ слѣдующемъ выпускѣ, посвященномъ К. Ѳ. Рылѣву.

Заговоръ 1825 года.

(Изъ статьи А. И. Герцена «La Conspiration Russe de 1825». *).

Въ 1815 году въ главной квартирѣ второй арміи, которой командовалъ фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, два офицера, братья Муравьевы, положили основаніе тайному политическому обществу. Они завязали сношенія съ нѣкоторыми другими офицерами и, когда увидѣли, что дѣло у нихъ налаживается, отправились въ Петербургъ пощупать тамъ почву среди офицеровъ императорской гвардіи.

Здѣсь они встрѣтили болѣе, чѣмъ простое сочувствіе.

Широкое политическое броженіе успѣло уже начаться въ Петербургѣ, и значительныя группы офицеровъ, одушевленныхъ идеями свободы, были соединены въ тайны общества. Время для попытки политическаго движенія въ Россіи, очевидно, наступило.

Вскорѣ послѣ основанія муравьевскаго общества, заговорщики познакомились съ полковникомъ П. Пестелемъ, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна. Пестель немедленно присталъ къ нимъ и сразу-же сдѣлался центромъ и душою общества. Благодаря ему, неопредѣленные либеральныя стремленія заговорщиковъ получаютъ практическій характеръ и направляются къ вполне опредѣленной цѣли. Его могучая личность пріобрѣтаетъ господствующее значеніе и рисуется передъ нами грандіозной, даже въ злобныхъ и пристрастныхъ донесеніяхъ слѣдственной комиссіи.

---

*) Статья эта въ Россіи еще не появлялась; здѣсь она дается съ нѣкоторыми сокращеніями и незначительными измѣненіями.

Пестель был горячим республиканцем и ярким революционером. Действовал он очень осмотрительно. Прежде всего он начал заботиться о том, как бы лучше организовать тайное общество. Для него Пестель создал новый устав и заводит централизацию. Отрывки из его разговоров, приведенные следственной комиссией, дают понятие о его организаторской тактике.

Он очень хорошо понимал, насколько еще не тверды были в то время убеждения в этих благородных и преданных молодых людях, недавно лишь познакомившихся вообще с политическими вопросами, а потому он не возражал и, повидимому, соглашался с их мыслью, что главной задачей заговора будет лишь ограничение царского произвола. Он соглашался с одними, что было бы очень недурно добиться английской конституции; но когда он замечал, что его собеседник не вполне разделяет это мнение, он тут же прибавлял, что и сам предпочел бы американскую конституцию, которая, по его словам, охраняет интересы всех, а не одних только «лордов и кушцов»; но, что вообще, по его мнению, если бы можно было заставить императора подписать конституцию, то уже и это одно было бы большим шагом вперед. Далее, он в нескольких словах намекал собеседнику на то, что смерть императора не принадлежит к числу невозможных событий. Он выражал сомнение в том, чтобы возможно было одним давлением общественного мнения заставить самодержца уступить часть своей власти; доказывал, что только силой можно достигнуть этого, и что для ограничения власти потребуются силы не меньше, чем для ее уничтожения. Но несмотря на всю такого рода осторожность Пестеля (комиссия называет ее хитростью), многие догадывались, в какую сторону он гнул — и испугались.

Александр Муравьев удаляется из общества. Члены «Союза благоденствия» ропщут. Северное общество начинает опасаться честолюбия Пестеля. Кажется, что Никита Муравьев, бывший главою северного общества, а за ним Рыльев, разделяли подобное опасение. Все это заставило Пестеля созвать в Москву общий съезд членов обоих обществ — северного и южного.

Съезд состоялся, но не мог прийти к соглашению. На нем выяснилось, что между многими из его членов суще-

ствуеть полнѣйшее разногласіе по всѣмъ вопросамъ. Одни возставали противъ диктатуры Пестеля въ южномъ обществѣ, говоря, что онъ удаляется отъ разъ поставленной цѣли. Другіе сами письменно потребовали своего увольненія.

Друзья Пестеля, съ согласія нѣкоторыхъ болѣе энергическихъ членовъ, предложили тогда закрыть общество «Союзъ благоденствія». Такое предложеніе было принято. Н. Тургеневъ, который предсѣдательствовалъ въ этотъ день, заявилъ о распущеніи общества. Это случилось въ Москвѣ, въ февралѣ 1821 года.

Одинъ только полковникъ Абрамовъ былъ этимъ возмущенъ и протестовалъ противъ распущенія «Союза».

Но Абрамовъ сильно ошибался. Люди, подобные Пестелю. Юшневскому, фонъ-Визину, Н. Муравьеву, Бестужеву-Рюмину, никогда и не имѣли въ виду на самомъ дѣлѣ уничтожить общество. Для Пестеля это было лишь средствомъ избавиться отъ слабыхъ и организовать новое общество, въ которомъ нѣкоторые изъ его прежнихъ членовъ не только не должны были принимать участія, но даже и не должны были знать объ его существованіи.

Новое общество, организованное на иныхъ принципахъ. выбрало директорами Пестеля, Юшневскаго и Н. Муравьева, Съ самаго начала оно приняло ярко-революціонный характеръ и за двухлѣтнее существованіе такъ окрѣпло и расширилось, что въ 1823 году мы уже видимъ четыре новыхъ общества подъ управленіемъ первоначальнаго, которое находилось въ Тульчинѣ, гдѣ расположена была квартира главнаго штаба 2-ой арміи.

Въ это время Пестель пользовался огромнымъ вліяніемъ, и ему уже не приходилось больше прибѣгать къ хитрости. Онъ идетъ прямо къ своей цѣли — полному и радикальному измѣненію государственнаго правленія на основаніяхъ не только республиканскихъ, но и социалистическихъ *). Тутъ ужъ не о критикѣ англійской конституціи шла рѣчь.

Пестель ребромъ поставилъ передъ членами общества такой вопросъ: «что дѣлать, въ случаѣ успѣха, съ членами императорской фамиліи»? Одни предлагали ссылку, другіе — тюрьму, третьи — изгнаніе. Пестель шелъ дальше и не соглашался ни съ однимъ изъ этихъ предложеній.

*) Смотри книгу Тургенева о Россіи: „Россія и Русскіе“.

«Какъ!» воскликнули нѣкоторые изъ присутствовавшихъ: «вѣдь это ужасно!» — «Это я знаю», замѣтилъ Пестель. Его друзья стали колебаться. Приступили къ голосованію. За Пестеля высказалось большинство, хотя довольно незначительное, — всего шесть голосовъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Пестель собралъ всѣхъ, стоявшихъ во главѣ заговора, и вновь задалъ имъ тотъ же вопросъ. На этотъ разъ всѣ были согласны съ нимъ. Вслѣдствіе этой-же резолюціи Бестужевъ и требовалъ отъ польскихъ обществъ въ 1824 году, чтобы они, если этого потребуетъ ходъ событій, покончили съ Константиномъ Павловичемъ.

Прежде чѣмъ говорить объ отношеніяхъ пестельскаго общества къ варшавскимъ революціонерамъ, нужно сказать нѣсколько словъ о сѣверномъ обществѣ.

Когда прежнее общество было распущено, новое стало организоваться между прочимъ и въ Петербургѣ и притомъ съ большей, чѣмъ раньше энергіей. Во главѣ его мы видимъ сначала князя Трубецкого, затѣмъ Н. Муравьева и князя Оболенскаго. Наконецъ, нѣсколько позже приобрѣтаетъ въ немъ первенствующее значеніе чловѣкъ, наиболѣе замѣчательный среди Петербургскаго общества, а именно — поэтъ Рыльевъ. Вообще сѣверяне теперь уже значительно ближе подошли по своимъ идеямъ къ южанамъ, но ихъ преслѣдовала несчастная мысль, «что Пестель былъ скорѣе Бонапартъ, чѣмъ Вашингтонъ», и это постоянно мѣшало полному союзу и единству дѣйствій обоихъ обществъ. Молодые энтузіасты не понимали опытнаго дѣятеля.

Бесѣдая однажды съ Пестелемъ о необходимости временной диктатуры, которую ему предложить, Поджіо замѣтилъ: «Конечно, это положеніе вещей продлится всего только нѣсколько мѣсяцевъ». — «Какъ», воскликнулъ Пестель, «вы считаете возможнымъ измѣнить всю эту государственную машину, дать ей другое основаніе, приучить людей къ новымъ порядкамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ? Для этого потребуется, по крайней мѣрѣ, лѣтъ десять!»

Въ этихъ словахъ Пестеля заключалась глубокая истина. Вліяло ли на его мнѣнія его честолюбіе или нѣтъ, — для насъ безразлично. Важенъ тотъ фактъ, что Пестель иначе понималъ революцію, чѣмъ его петербургскіе друзья. «Вы провозгласите республику», сказалъ онъ на одномъ засѣданіи, но это будетъ лишь перемѣна въ названіи. Главнымъ образомъ

надо рѣшить вопросъ поземельной собственности. Необходимо отдать землю крестьянамъ,—только тогда цѣль революціи будетъ достигнута»./

На основаніи своего устава, южане вошли въ сношенія съ варшавскими политическими обществами. Бестужеву - Рюмину, который первый открылъ ихъ и сообщилъ о нихъ директоріи, немедленно даны были всѣ полномочія для того, чтобы стовориться съ ними. Поляки, съ своей стороны, послали Крыжановскаго. Они требовали отъ русскаго общества признанія независимости Польши и губерній, которыя еще не окончательно обрусѣли, включая сюда Бѣлостокскую губернію и часть Гродненской, Виленскую, Минскую и Подольскую. Польское общество обязывалось, съ своей стороны, начать возстаніе одновременно съ возстаніемъ во второй арміи и захватить въ свои руки великаго князя. Русское общество поставило еще и другое условіе, и едва ли нужно говорить, что его предложилъ Пестель,—это условіе состояло въ томъ, чтобы въ Польшѣ была провозглашена республика.

Полякамъ не хотѣлось напередъ высказаться насчетъ формы правленія, а также взять на себя обязательство относительно великаго князя. Наконецъ, послѣ долгихъ дебатовъ съ двумя депутатами, присланными изъ Варшавы, Бестужевъ - Рюминъ и С. Муравьевъ согласились на томъ, что поляки поступятъ съ членами императорской фамиліи, находящимися въ Польшѣ, такъ же, какъ русское общество поступитъ съ тѣми, которые находятся въ самой Россіи.

На второе свиданіе съ польскими депутатами Гродецкимъ и Янковскимъ, Пестель съѣздилъ уже лично, въ сопровожденіи князя Волконскаго.

Около этого же времени одно изъ отдѣленій южнаго общества, называвшееся Васильковскимъ, по мѣсту, гдѣ оно имѣло главнымъ образомъ свои собранія, открыло новое общество, основанное артиллерійскимъ офицеромъ Борисовымъ.

Это общество, составленное изъ русскихъ и поляковъ и называвшееся «Союзомъ Соединенныхъ Славянъ» поставило себѣ главной цѣлью объединеніе всего славянскаго міра и образованіе федеративной республики,—при полной автономіи cadaго народа сохранялась бы лишь одна федеративная связь между ними.

Бестужевъ предложилъ этому обществу присоединиться къ главной организаціи,—что имъ и было принято. «Соединен-

ные славяне» согласились въ то же время съ мыслью о необходимости убить Александра, а, спустя короткое время, С. Муравьеву удалось окончательно перетянуть ихъ на свою сторону...

...Приближалось время, когда надо было начать дѣйствовать. Южное общество уже имѣло своихъ людей по всей второй арміи, и петербургское приобрѣло не мало членовъ среди лицъ, близко стоявшихъ у трона и среди высшей аристократіи. Обстоятельства складывались благопріятнымъ образомъ. Пестель, который прекрасно понималъ необходимость поднятія возстанія возможно скорѣе, былъ недоволенъ петербургскимъ доктринерствомъ и недостаткомъ единства между южнымъ и сѣвернымъ обществами. — Въ 1824 г. онъ съѣздилъ лично въ Петербургъ и тамъ потребовалъ соединенія обоихъ обществъ подъ однимъ управленіемъ. Послѣ долгихъ дебатовъ, вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Предложенныя Пестелемъ насильственные революціонныя мѣры встрѣтили однако сильную оппозицію. Нѣкоторые изъ членовъ еще крѣпко держались за мысль о необходимости конституціоннаго правленія въ Россіи и соглашались на провозглашеніе республики только въ томъ случаѣ, если императоръ откажется подписать конституцію, и даже тогда они имѣли въ виду ограничиться ссылкой императорской фамилии.

Пестель однако настаивалъ на своемъ. «Полумѣры тутъ не годятся», говорилъ онъ. По его мнѣнію, слѣдовало прежде всего покончить съ членами императорской фамилии, а потомъ, завладѣвъ сенатомъ и синодомъ, заставить членовъ обоихъ этихъ учреждений провозгласить новое правленіе и, какъ только это будетъ сдѣлано, объявить всѣхъ высшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ уволенными, и замѣстить ихъ членами революціоннаго общества.

Однако, Пестелю пришлось уѣхать изъ Петербурга прежде, чѣмъ ему удалось переубѣдить всѣхъ своихъ товарищей. Поэтому онъ предложилъ устроить общій съѣздъ, который долженъ состояться въ началѣ 1826 г.; но Пестель требовалъ, чтобы послѣ этого съѣзда, въ случаѣ полнаго соглашенія, тотчасъ же было приступлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Положеніе было трудное. Горячая, экзальтированная молодежь южной и особенно васьковской организаціи едва подчинялась авторитету Пестеля, и когда правительство, не давая никакихъ объясненій, вдругъ отняло у полковника Швей-

ковскаго — дѣятельнаго заговорщика — саратовскій полкъ, возмущеніе готово было вспыхнуть. Съ другой стороны, общество слишкомъ разрослось, чтобы долго оставаться тайнымъ, и Пестель былъ правъ, настаивая на необходимости поскорѣе перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ...

...При Александрѣ I страшная полиція, созданная Николаемъ, не существовала. Ни о какомъ нападеніи никому не приходило и въ голову. Дворцы и крѣпости охранялись скорѣе изъ соблюденія военныхъ обычаевъ, чѣмъ изъ-за какого-нибудь страха, — а, между тѣмъ, силы заговора были весьма значительны...

...Самъ Пестель былъ при главной квартирѣ Витгенштейна, съ которымъ, какъ его адъютантъ, онъ находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ. Въ то же время Пестель командовалъ полкомъ, на преданность котораго онъ могъ вполне положиться. Среди его друзей, которые раздѣляли всѣ его взгляды, были — генераль-интендантъ 2-й арміи Юшневскій и два генерала дѣйствующей арміи, фонъ-Визинъ и кн. Сергій Волконскій.

Въ томъ же южномъ обществѣ мы находимъ среди наиболѣе энергичныхъ его членовъ шесть слѣдующихъ полковниковъ: Артамона Муравьева, командовавшаго ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, Нарышкина — тарутинскимъ, Швейковскаго саратовскимъ, Абрамова — казанскимъ, Тизенгаузена — полтавскимъ, Враницкаго, бывшаго полковника, квартирмейстеромъ. Къ нимъ, кромѣ того, слѣдуетъ еще прибавить Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, — оба они были въ чинѣ подполковниковъ. Каждый полковникъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи не малое количество офицеровъ и полковую кассу. Они прекрасно знали всѣ секреты штаба, интендантства и канцеляріи фельдмаршала.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, для нихъ не представляло никакой трудности — въ тотъ день, когда вятскій полкъ былъ бы на караулѣ, арестовать князя Витгенштейна, дожидаться императора Александра на маневрахъ, арестовать его и высшіе военные чины; немедленно занять крѣпость Бобруйскъ для того, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи какой-нибудь укрѣпленный пунктъ и оттуда снестись съ Варшавой и Петербургомъ.

Таковъ именно и былъ планъ Пестеля.

Сѣверное общество, въ свою очередь, должно было попытаться возбудить возстаніе среди гвардіи. Оно насчиты-

вало среди своихъ членовъ довольно вліятельныхъ лицъ, а именно: полковника, князя Трубецкаго, командовавшаго преображенскимъ полкомъ и служившаго въ то-же время въ генеральномъ штабѣ, Миткова, полковника финляндскаго полка, Николая Муравьева, капитана генеральнаго штаба, кн. Оболенскаго, Бестужева и также Лунина, Якубовича, Буланова и другихъ, большей частью командировъ отдѣльныхъ частей.

Но не одинъ военный элементъ входилъ въ составъ съвернаго общества, не въ немъ одномъ сосредоточилась вся его сила. Оно имѣло также многихъ преданныхъ ему членовъ и друзей среди высшей администраціи и аристократіи обѣихъ столицъ и даже среди придворныхъ. О каждомъ шагѣ правительства заговорщики узнавали немедленно. Этимъ, напр., объясняется то обстоятельство, что раннимъ утромъ 14-го декабря 1825 г. прокуроръ сената Краснокутскій, какъ это видно изъ донесенія слѣдственной комиссіи, бросился къ Рыльеву съ извѣстіемъ, что сенаторы рѣшили собраться въ этотъ день въ 7 ч. утра для принятія присяги Николаю Семенову, начальнику канцеляріи кн. Голицына въ Москвѣ, былъ также членомъ общества. Членъ общества Якубовичъ былъ другомъ гр. Милорадовича, петербургскаго генераль-губернатора.

Въ то-же время заговорщики имѣли возможность слѣдить за каждымъ шагомъ членовъ императорскаго семейства. Молодой князь Одоевскій, служившій офицеромъ въ конногвардейскомъ полку, извѣщалъ ихъ не только обо всемъ, что дѣлалось, но и что говорилось во дворцѣ.

Они пользовались также большимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Своимъ образованіемъ, энергіей и нравственной чистотой, что не часто можно было встрѣтить въ Россіи, они не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на извѣстную часть аристократіи, а посредствомъ литературы, которая почти вся была въ ихъ рукахъ, они дѣйствовали на все молодое поколѣніе. Полныя энергіи поэмы Рыльева, рассказы Бестужева, Полярная Звѣзда*), ежегодное изданіе, которое они редактировали всѣ вмѣстѣ, Мнемозина—журналъ издававшійся Кюхельбекеромъ и кн. Одоевскимъ, — все это циркулировало среди университетской и лицейской молодежи и проникало даже въ военныя школы.

*) Для русскихъ мы присвоили это дорогое имя нашему журналу, издаваемому въ Лондонѣ.—Герценъ.